

ИЗЪ ЧУВАШСКИХЪ ПРЕДАНІЙ И ВѢРОВАНІЙ.

4. Жертвоприношенія и моленія чувашъ.

1302

Происхожденіе жертвоприношеній и моленій у чувашъ.

Прежде, чѣмъ говорить о самыхъ моленіяхъ и жертвоприношеніяхъ, надо сказать о первоначальномъ происхожденіи ихъ. Чуваша говорятъ, что сначала у людей не было никакихъ моленій и жертвоприношеній. Потому люди стали инстинктивно догадываться, что слѣдуетъ кому-то молиться, но не знали, кому и какъ. Однажды въ одну избу ночью собрались дѣвушки. Зашолъ разговоръ о молитвѣ, гдѣ и какъ слѣдуетъ молиться? Одна изъ дѣвушекъ сидѣла на чурбакѣ. Встала съ своего мѣста и говоритъ: „вогъ подомной чурбакъ, давайте ему кланяться. Наша молитва услышана будетъ, кѣмъ слѣдуетъ“. Дѣвушки согласились на предложеніе и стали кланяться чурбаку. Послѣ этого къ тому чурбаку нельзя будто бы стало зря подходить и шумѣть около него. Тогда и всѣ люди стали кланяться около того же чурбака. Послѣ этого чуваша стали уже кланяться и у другихъ деревьевъ.

Но и послѣ этого случая, люди пока только кланялись, а жертвоприношеній все таки еще не было. Жертвоприношеніе у чувашъ появилось вотъ съ чего. Одна дѣвушка сиротка заплуталась въ лѣсу. Встрѣчается съ ней какая-то неизвѣстная дѣвица и приглашаетъ сиротку въ свою хижину. Та согласилась. Придя въ хижину, дѣвушки очень подружались и полюбили одна другую. Приведшая дѣвица и говорить, что у ней мать колдунья и людоедка и что она непременно съѣстъ сиротку, если только увидитъ. Сиротка

пришла въ ужасъ и заплакала. Товарка стала успокаивать ее и сказала, что она не дастъ ее на съѣденіе своей матери. Вскорѣ послышались шаги идущей колдуньи-людоѣдки. Дочь колдуньи тотчасъ же превратила сиротку въ уголь. Входитъ въ хижину мать и говоритъ: „фу, человѣчиной пахнетъ!“ „Что здѣсь за человѣчина?“ отвѣтила дочь; конечно должно пахнуть, вѣдь я все дома сижу“. Мать ей не повѣрила и съ жадностью начала ѣсть уголь. Дочь все такъ утаила у ней маленькій кусочекъ угля. Затѣмъ мать ушла изъ хижины, а дочь этотъ кусочекъ угля опять превратила въ сиротку. Но недолго имъ пришлось сидѣть спокойно: услышавъ, что колдунья опять приближается къ своей хижинѣ, дочь ее превратила сиротку въ лучинки. Вошла колдунья и опять говорить дочери прежнія слова. Дочь опять отвѣчаетъ, что никакой человѣчины нѣтъ, а пахнетъ такъ отъ нея самой. Мать не вѣритъ и начинаетъ съ остервененіемъ ѣсть лучинки. Дочери опять удалось утаить отъ матери одну маленькую лучинку. Послѣ ухода колдуньи она эту лучинку снова превратила въ сиротку и говоритъ, что имъ тутъ вмѣстѣ съ матерію жить невозможно, а нужно куда нибудь удалиться. Взяли дѣвочки коромысло, два ведра, ковшъ и отправились къ быстрой лѣсной рѣчкѣ. Когда онѣ подошли къ берегу, то дочь колдуньи два ведра превратила въ лодку, коромысло—въ рулевое весло, а ковшъ—въ гребное весло, и поплыли по теченію быстрой рѣки. Подплываютъ къ одному неизвѣстному чувашскому селенію, противъ котораго берегъ рѣки образуетъ крутой и страшный красный яръ. А у самаго этого краснаго яра какой-то водоворотъ, гдѣ вода вертится на одномъ мѣстѣ. Дѣвушки никакъ не могли выѣхать изъ этого омута. Побившись нѣсколько времени и видя свое безсиліе, онѣ запѣли:

Хёрлѣ сырта хёр ларай,
Хёрлѣ вѣкар зук калай,

Въ красномъ яру дѣва сидитъ,
Съ краснымъ быкомъ молиться
велитъ,

Саръ тиркѣпе йусман калай.

На желтомъ блюдѣ йусманъ
назначаетъ.

Услышавъ такое пѣніе, прибѣжали на это мѣсто жители того селенія и исполнили назначеніе тѣхъ дѣвицъ, т. е. закололи краснаго быка, принесли на блюдѣ малинокъ, йусман) и сотворили первое общественное моленіе, называе-

мое уѣзукъ. Тогда лодка дѣвушекъ сама собой выплыла изъ страшнаго водоворота и поплыла дальше. Послѣ этого, будто, чуваша стали уже ежегодно совершать уѣзукъ съ быкомъ. Вотъ и корень происхожденія чувашскихъ моленій. Хотя всѣ эти рассказы и сказочны, но чуваша повторяютъ ихъ съ убѣжденіемъ и увлеченіемъ и вѣрятъ имъ.

Порядокъ чувашскихъ моленій Я уже говорилъ, что чуваша въ продолженіи года поклоняются непременно всѣмъ своимъ духамъ и ни одного изъ нихъ не забудутъ. Моленія ихъ и жертвоприношенія совершаются не зря, а съ строгимъ при этомъ порядкомъ. Начинается моленіе съ единого Бога. Затѣмъ молятся Отцу и Матери Его. Далѣе идетъ поклоненіе разнымъ духамъ по чину и достоинству ихъ. При этомъ точно соблюдается и то, чего и сколько нужно извѣстному духу принести въ жертву; Самому единому Богу приносятся жертвы большія по количеству и лучшія по качеству, а остальнымъ духамъ все меньше и меньше. Самому же младшему духу, бѣдному йѣрѣху, достается уже только кисель, да одна лепешка, а ваши съ масломъ ему уже не полагается. вмѣсто денегъ, надувають его оловянными или свинцовыми жетонами, повѣшенными на красной ниточкѣ, какъ глупенькому; по понятіямъ чувашъ, онъ и этимъ бываетъ очень доволенъ.

Всѣ порядки различныхъ моленій наблюдаются йумзямп, знахарями и знахарками, которые имѣютъ большое вліаніе на религіозную жизнь чувашъ. Они-то главнымъ образомъ и поддерживаютъ язычество, научаютъ чувашъ: кому, какъ и какую слѣдуетъ принести жертву.

Считаю нужнымъ оговориться, что я буду описывать обряды чувашъ не всѣхъ мѣстностей, а только нѣкоторыхъ, мнѣ самому хорошо извѣстныхъ. Да и нѣтъ возможности описывать чувашскіе обряды и моленія такъ, чтобы это описаніе точь въ точь подходило ко всѣмъ мѣстностямъ, потому что въ разныхъ мѣстностяхъ водятся различные обряды и различные моленія. Отъѣдешь отъ одной деревни верстъ 20 и видишь, что тотъ же обрядъ исправляется тамъ уже совершенно иначе. Напримѣръ, когда собираются везти покойника хоронить, то во многихъ мѣстахъ принято втыкать въ хомутину лошади иголку, а въ иныхъ мѣстахъ этого не дѣлается. Потомъ, когда душа человѣка выйдетъ изъ тѣла, т. е.

когда человѣкъ помретъ, то принято тотчасъ же выкидывать на улицу одно сырое яйцо; но въ другихъ мѣстахъ поступаютъ иначе: ловятъ живую курицу, отрубаятъ ей голову и выкидываютъ на улицу. Это дѣлается для того, чтобы изъ одного дома уменьшалось непременно четное число душъ. По понятіямъ чувашъ, новый покойникъ на кладбищѣ одинъ (нечетное число) не можетъ оставаться, а непременно потребуетъ къ себѣ изъ семейства другую душу, чтобы лежать не одному. А въ нѣкоторыхъ мѣстахъ объ этомъ думаютъ наоборотъ; если случится, что въ одномъ семействѣ въ короткое время помрутъ два человѣка, то непременно съ тѣломъ послѣдняго покойника кладется въ могилу какое нибудь убитое животное, кошка или курица, чтобы изъ этого семейства уменьшилось нечетное число душъ, иначе де будетъ въ домѣ еще покойникъ. Тоже слѣдуетъ сказать и о моленіяхъ;—они такъ же совершаются различно, а иногда даже перемѣшены съ христіанскими обычаями. Напримѣръ: чуваша сначала помолятся ко своему, потомъ, обратясь къ иконамъ, помолятся и на нихъ. Они говорятъ: „епир кѣтесри Турра та пуѣсатпѣр“, т. е. „мы и угольному Богу (иконамъ) молимся“.

Руководители чувашъ.

Рѣчь о чувашскихъ руководителяхъ начну съ йумзей; потомъ упомяну о знахаряхъ чувашскихъ и другихъ специалистахъ въ дѣлѣ суевѣрій.

Йумѣс, ворожеи или гадалщицк. Чувашскіе йумѣси ни что иное, какъ чувашскіе врачи. Они у чувашъ имѣютъ почти такое же значеніе, какое у русскихъ простыхъ людей знахари, а у просвѣщенныхъ—врачи. Йумѣсами нельзя называть всѣхъ знахарокъ и знахарей. Они по своимъ специальностямъ раздѣляются на разряды: йумѣс, вѣрѣсѣ, тухатмаш и т. д., какъ и доктора различаются по своимъ специальностямъ, напримѣръ: докторъ глазной, докторъ внутреннихъ болѣзней и т. д. А русскіе люди, между тѣмъ, всѣхъ этихъ чувашскихъ специалистовъ называютъ однимъ именемъ йумзи. Напримѣръ, Сбоевъ на 36-й страницѣ своей книги говоритъ: „нарочно приглашенный старикъ йомзя, колдунъ, ворожея, мудрецъ“. Я постараюсь объяснить раздѣльно: что значить

йумас, колдунъ и прочее. Впрочемъ, между знахарями встрѣчается не мало и такихъ личностей, которыя совмѣщаютъ въ себѣ нѣсколько специальностей. Многіе напрасно думаютъ, что чуваши уже очень почитаютъ йумазей. Вовсе нѣтъ, уважать ихъ заставляютъ только нужда и страхъ. Русская пословица гласитъ: „у страха глаза велики“,—и у чувашъ на этотъ счетъ есть своя пословица, довольно замысловатая: „аптранъ кѣвакал кутанъ ѓампѣ тет“,—т. е. „усталая утка задомъ нырнула“. Заболѣлъ русскій человѣкъ и не знаетъ, что дѣлать, чтобы возвратить себѣ здоровье: начинаетъ сначала совѣтоваться съ другими, болѣе опытными людьми, а не помогутъ, то потомъ уже идетъ къ доктору. Такъ и чуваши, спѣшатъ за помощью къ знахарямъ и йумзамъ. Разница между докторомъ и йумзей состоитъ только въ томъ, что, по представленію чувашъ, йумзи, кромѣ опытности или знанія болѣзней, знаютъ еще какія-то таинственныя слова, посредствомъ которыхъ мѣтко отыскиваютъ причину болѣзни. Эти таинственныя слова, по мнѣнію чувашъ, знаютъ только очень не многіе люди йумасы, которымъ помогаютъ нечистыя силы. Если у чувашъ помретъ ктонибудь, то они тужатъ объ немъ и говорятъ другимъ: „нимѣн тытса-тѣва пѣлмесѣрех вѣлертѣмѣр“,—т. е. „ничего не могли, не сумѣли сдѣлать и допустили умереть“.

Русскій человѣкъ, если заболѣетъ, находитъ различныя причины своей болѣзни: то простуду, то непосильное поднятіе тяжести и т. п. Чуваши находятъ для своихъ болѣзней совершенно другія причины; предполагаютъ, что болѣзнь появляется отъ несоблюденія порядка или правилъ ихъ вѣры, или отъ иныхъ неизвѣстныхъ, таинственныхъ причинъ. Чаще всего чувашенинъ видитъ причину болѣзни въ томъ, что онъ долго не приносилъ своимъ духамъ жертвъ, или давно не поминалъ своихъ усопшихъ родныхъ, или около какойнибудь керемети кричалъ, бранился, не соблюдалъ положенной дисциплины, около священнаго мѣста испугался, или въ какойнибудь священной водѣ ноги промочилъ, или нечаянно встрѣтился съ поссорившимся человѣкомъ и злоба послѣдняго перешла на него, или гдѣнибудь нечаянно упалъ, споткнулся и испугался. Въ случаѣ болѣзни чувашаи говорятъ: „киреллирен пулнѣ“, т. е. „слѣдуетъ какуюнибудь жертву принести“, или говорятъ: „синкер йернѣ“.

т. е. „попритчилось“, что бываетъ и у русскихъ въ просто-народьи.

И вотъ, когда въ семействѣ чувашенина случится болѣзнь или какая нибудь бѣда, то одинъ изъ членовъ семейства отправляется къ гадалщику и говоритъ: „мана йумӑс пӑхса йар-тӗ“, т. е. „погадайка для меня“. Гадалщикъ сначала обыкновенно начинаетъ упрямитъся, говоритъ: „пуш мар-тӗ халӗ, пайан савна ёслемелле-тӗ кӑна ёслемелле-тӗ, пӑхса пулмаст пулӗ“,—т. е.; некогда еще, сегодня нужно то и то работать; вѣроятно, гадать не придется. Пришедшій начинаетъ упрашивать его, говоря: „тархасшӑн турӑ пул“,— „пожалуйста, будь богомъ“, т. е. „яви божескую милость“. Наконецъ йумӑс рѣшается оказать милость и говоритъ: „пӑхса йарас пулӗ еппин“,— „а ну, ужъ развѣ погадать и отпустить тебя“? Йумӑс иногда дѣлаетъ видъ якобы совсѣмъ отказывается просителю, а у самого на душѣ совершенно другое: чтобы его больше просили и кланялись ему. Этою неподатливостію йумӑс старается придать себѣ больше значенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вынудить побольше денегъ. Конечно, въ такихъ нужныхъ случаяхъ человекъ не очень жалѣетъ денегъ и охотно предлагаетъ ворожцу плату за труды. Но гадалщикъ обычно начинаетъ отказываться отъ денегъ, говоритъ, что онъ не изъ-за денегъ хочетъ гадать а только потому, что жалѣетъ его. Деньги, впрочемъ, уплачиваются. По мнѣнію чувашъ, если ворожцу не дать денегъ за ворожбу, то сдѣланное имъ добро въ пользу не послужитъ, нужно дать хоть одну копейку.

Вотъ начинается и самое гаданіе. Надо сказать, что разные гадалщики и гадалщицы гадаютъ не одинаково: одинъ гадаетъ на монетѣ, другой на хлѣбѣ, иной на шнуркѣ и т. д. Гадалщикъ обыкновенно садится за столъ, вынимаетъ изъ мѣшечка извѣстную монету, свою или какую выпроситъ у своего просителя, посмотреть на нее, потомъ потретъ ее, потомъ опять посмотреть и наконецъ объявляетъ причину, отъ которой страдаетъ больной. Онъ говоритъ напримѣръ:

„вилӗрен асапланатӑр есир,
тӗпри вилӗсем асапланта-
рассӗ сире, есир кӗр-сур-
тинтӗ пӗр сӗре хутшӑнман

„Отъ покойниковъ страдаете вы.
Коренные (родные) покойники
мучаютъ васъ. Вы, вѣроятно, во
время осеннихъ поминковъ не

пулѣ. Икерѣ пѣсѣрѣр, ерех
илѣр те хывѣр, сынѣр ѡа-
мѣланѣ вара“.

сходились вмѣстѣ (не поминали
вмѣстѣ съ другими родными).
Испеките блиновъ, купите вина
и помяните покойниковъ и вашу
больной выздоровѣетъ“.

На хлѣбѣ гадаютъ слѣдующимъ образомъ: отрѣзывается отъ ломтя маленькій кусочекъ хлѣба; затѣмъ берется игло-ка, вдѣвается въ нее ниточка, а конецъ иглки крѣпко втыкается въ хлѣбный кусочекъ; потомъ, держа за ниточку, ворожецъ этотъ снарядъ приводитъ въ качаніе и по направленію этого качанія узнаетъ что нужно. — На шпуркѣ гадаютъ такъ: ворожецъ беретъ шнурокъ аршина въ полтора длины, засучиваетъ правый рукавъ своей рубашки по лоботь, выпрямляетъ средній палецъ и начинаетъ мѣрять шнурокъ локтемъ на правомъ колѣнѣ, положенномъ на лѣвую ногу; мѣритъ онъ до тѣхъ поръ, пока шнуръ не сойдется съ концемъ средняго пальца, что и означаетъ нахождение истины.

Надо замѣтить, что молодые люди йумзями не бываютъ; этимъ дѣломъ начинаютъ заниматься только съ тридцатилѣтняго возраста. Не бываютъ такъ-же йумзями люди богатые, скромные, не гордые или незазнайки. Ворожеями большею частью бываютъ лѣнтяи и хвастуны, женщины ли то, или мужчины.

Если спросишь у чувашъ: зачѣмъ вы обращаетесь къ йумзѣ? развѣ онъ больше другихъ знаетъ? чѣмъ онъ можетъ помочь человѣку? то чуваша говорятъ: „кайса килетсав зунне пусарса“, — т. е. „мы ходимъ, чтобы успокоить свою душу“. А если спросишь: что дѣлаетъ йумзя для пришедшаго человѣка? то чуваша отвѣчаютъ: „пѣшѣлтатса лараѣ, темѣн тѣваѣ вѣл“, — т. е. „сидитъ и шепчетъ, — не извѣстно что; или „унтап вара, ак савна тусан, йывѣр сын тѣрленѣ, тет“, — т. е. „говорить, сдѣлайте то и то, тогда больной выздоровѣетъ“.

Чуваши къ йумзямъ ѣзятъ иногда довольно далеко, даже за пятьдесятъ верстъ и больше. Когда надо, чуваша денегъ не жалѣютъ, но йумзямъ платятъ все-таки не очень много, копѣйки двѣ, три, много десять, да дарятъ гадальщика полотенцами, рубашками, холстами и проч. Одинъ разъ два чувашенина изъ разныхъ деревень пріѣхали вмѣс-

тѣ къ одному знаменитому йумзѣ. Когда имъ пришлось расплачиваться съ знахаремъ, то одинъ изъ прїѣзжихъ вызвалъ другого на дворъ и говорить; йумзѣ ытлаши укса на кай-алла тавърса парати вѣл? Еше йна пѣр тенкѣлѣх парас тетѣп“, — то есть „йумзя сдаетъ ли сдачи? я ему хочу дать рублевку?“ Тотъ говоритъ, что не знаетъ. Чувашенинъ рѣшился отдать рублевую бумажку. Йумзя принялъ деньги и положилъ себѣ въ карманъ. Отдавшій было замѣтилъ: „та-вѣрса пар мана“, — „дай де мнѣ сдачи“. Но йумзѣ посмотрѣлъ на него съ такимъ удивленіемъ и такимъ грознымъ тономъ промывчалъ „мѣн“? — что? что чувашенинъ замолчалъ, ибо ему стало совѣстно, и вышелъ вонъ. Послѣ, когда они ѣхали домой, то этотъ чувашенинъ всю дорогу протужилъ о рублевкѣ и гнѣвался на своего спутника за то, что тотъ не отсовѣтовалъ ему давать рублевку.

Тухатмѣши (колдуны). Изъ знахарей самыми вредными считаются тухатмѣш'я, колдуны. Тухатмѣшами большею частью бываютъ женщины, но не рѣдко и мужчины. Они портятъ людей, скотину, хлѣбныя растенія и т. д. По понятіямъ чувашъ, тухатмѣши не могутъ прожить ни одного мѣсяца безъ того, чтобы не испортить кого либо или чтонибудь; безъ этого, де, имъ трудно живется: или заболитъ у нихъ спина, или голова, или откроется какаянибудь ломота, или же начнетъ выть въ сердцѣ. А если они хоть разъ въ мѣсяцъ сдѣлаютъ какое-нибудь колдовство, то имъ будетъ полегче. Чѣмъ чаще тухатмѣш колдуется, тѣмъ легче бываетъ ему жить. Такими странными представленіями о тухатмѣшахъ и поддерживается страхъ къ нимъ чувашъ. А сами тухатмѣши гордятся и важничаютъ тѣмъ, что въ нихъ находится такая сила. Иногда они, будто, говорятъ, что и рады-бы не колдовать, но кто-то, находящійся въ нихъ, принуждаетъ ихъ заниматься порчами. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ про тухатмѣшей говорятъ, что они портятъ только наканунѣ семика (въ ночь на четвергъ предъ Троицей), одинъ разъ въ годъ; въ остальное же время года порчами не занимаются, а только присматриваютъ предметъ для своей годовой порчи и приготавливаются къ упомянутой ночи. Разказы про эту ночь между чувашами вездѣ почти одинаковы. Эта ночь у нихъ называется „симѣе каѣ“. По мнѣнію ихъ, тухатмѣши каждой деревни непременно должны собираться въ эту ночь вмѣстѣ на кладбище, куда и являются въ образѣ разныхъ

животныхъ, птицъ и звѣрей. Въ теченіе ночи каждый тухатмашъ обязательно долженъ побывать на семи кладбищахъ, при чемъ они бѣгаютъ съ необыкновенною быстротою. Головы ихъ ничѣмъ не бывають покрыты, а женщины бѣгаютъ съ распущенными волосами. Въ эту ночь рстоянія между кладбищами, колдунамъ кажется длиною всего съ коромысло. О сходбищахъ ихъ есть разные рассказы. Одинъ солдатъ шелъ домой на побывку и, дойдя до какой-то деревни, зашелъ въ одинъ домъ почевать. А ночь была какъ разъ „симѣк каз“, т. е. ночь на семикъ. Въ домѣ жили старуха съ дочерью лѣтъ около шестнадцати. Солдатъ легъ спать на лавку. Когда солнышко закатилось, старуха съ дочерью стали что-то суетиться. Потомъ, старуха открыла маленькое дымовое окошечко, которое у чувашъ служитъ вмѣсто трубы и называется „тѣнѣ“, влѣзла на печку, чѣмъ-то помазала себѣ глаза и моментально вылетѣла въ это окошечко. Черезъ нѣсколько минутъ и дѣвушка сбѣжала тоже самое. Солдатъ не испугался, а только удивился, какъ онѣ черезъ такое маленькое окошечко пролетѣли и куда полетѣли! Въ избѣ съ нимъ остались только одинъ теленокъ и одинъ ягненокъ. Онъ всталъ, посмотрѣлъ на печь и увидалъ тамъ горшочекъ съ какою-то мазью. Этою мазью онъ помазалъ глаза ягненку и ягненокъ въ мигъ пролетѣлъ въ тоже окошечко. Потомъ солдатъ взялъ немного тойже мази, помазалъ глаза теленку, и теленокъ тоже улетѣлъ. Что же, думаетъ солдатъ, помажу и себѣ глаза! Какъ только помазалъ, тотчасъ же и очутился на кладбищахъ, даже и не замѣтилъ, какъ прилетѣлъ туда. Тамъ онъ нашелъ и ягвенка, и теленка, и хозяйку съ дочерью. Хозяйка подходитъ къ нему и говоритъ: „зачѣмъ ты пришелъ сюда?“ Солдатъ отвѣтилъ ей: „послѣ васъ и я помазалъ себѣ глаза и очутился здѣсь“. — „Тебя здѣсь убьютъ, ступай домой“. — „Да я не знаю дороги до вашего дома“. Тогда хозяйка подвела къ нему хорошаго бѣлаго коня, велѣла сѣсть верхомъ и сказала, что этотъ конь самъ привезетъ его на квартиру; при этомъ наказала солдату, чтобы онъ сидѣлъ, какъ можно крѣпче. Конь тронулся съ мѣста. Солдатъ крѣпко схватился за поводья и во всю дорогу тянулъ ихъ къ себѣ, такъ что у него руки заболѣли, но никакъ не могъ остановить коня: бѣжить,—земля дрожить. Приѣхалъ къ крыльцу своей квартиры, слѣзъ съ коня и при-

вязалъ его къ столбу, а самъ вошелъ въ избу. Въ избѣ никого не было. Солдаты и вздумалъ взять свои вещи, сейчасъ же сѣсть на коня и уѣхать на немъ домой. Онъ поспѣшно собрался въ дорогу, вышелъ къ коню, и что же видитъ? Въ сто коня торчатъ бѣлая лутошка, привязанная лычкомъ къ столбу. Оказалось, что на этой лутошкѣ солдатъ и ѣхалъ. Тогда онъ понялъ, что его хозяйка тухатмашъ.—На кладбищѣ онъ видѣлъ много различныхъ существъ: людей, кошекъ, лошадей, гусей, собакъ, коровъ и проч. Всѣ они кричали каждое по своему и всѣ были заняты: кто рылъ землю, кто валялся, инны бѣгали и рвали какія-то рубашки.

Говорять, что въ ночь на семикъ тухатмаша разѣзжаютъ верхомъ на помелахъ, лутошкахъ, кочергахъ и т. п. вешахъ, при томъ, будто бы, ѣздить чрезвычайно быстро. Въ эту ночь можно тухатмашей ловить. Кто хочетъ поймать тухатмаша, тотъ долженъ быть смѣлымъ и не бояться тухатмаша, иначе не поймаетъ, а самъ послѣ захвораетъ и можетъ даже умереть. Чтобы поймать колдуна, для этого нужно знать какойнибудь способъ. Чуваша такихъ способовъ знаютъ много, но ловить тухатмашей боятся, дабы не получить себѣ вреда. Въ этомъ случаѣ чуваша помнятъ пословицу: „хана тивмен сѣлен калтана ан тив, вѣл хай сүлѣпех сүретѣр“,—т. е. „не тронь не трогающихъ тебя змѣю и ящерицу, пусть ходятъ своей дорогой“. Для охоты на тухатмашей существуютъ слѣдующіе способы:

- 1) Какъ только закатится солнышко, тотчасъ же нужно растворить ворота, выдвинуть со двора телѣгу, безъ лошади, поставивъ концы оглоблей въ самыхъ воротахъ, какъ-бы собираясь на ней выѣхать, принести хомуть и дугу и впрячь безъ лошади: потомъ смотрѣть сквозь хомуть на улицу. Тогда, будто бы, ясно можно будетъ видѣть и узнавать проходящихъ колдуновъ. Кто изъ нихъ въ это время шелъ по улицѣ вошкой, кто—собакой и прочее, всѣ они покажутся въ своемъ человѣческомъ видѣ. Они тогда сами, будто бы, подходятъ въ тѣмъ, кто смотритъ на нихъ въ воротахъ чрезъ запряженный хомуть и просятъ помилованія. И надъ ними можно дѣлать тогда что угодно: поколотить ихъ, или взять съ нихъ денегъ и т. п. Послѣ изловленія тухатмаша рабски повинуется изловившимъ его и никогда не посмѣетъ вредить имъ.
- 2) Если въ ночь на семикъ придется увидать кошку, или собаку, идущую по двору или по улицѣ, то чуваша стараются не встрѣчаться съ ней и не пугаютъ ее, принимая

ее за тухатмаша. А если кто желаетъ поймать колдуна, то долженъ, увидя подобное животное, нагнать и бить его палкой; если это будетъ тухатмашъ, то онъ приметъ свой человѣческій видъ и будетъ просить помилованія. Однажды одинъ молодой чувашенинъ въ ночь на сѣмѣкъ увидалъ у себя на дворѣ черную кошку, нагналъ ее и ударилъ сильно палкой. Кошка тотчасъ повалилась на землю, слѣзлась человѣкомъ и завопила: „ахъ аѣам, аѣам! пуѣма шѣгартѣв!“—охъ дитя мое, дитя мое! голову мою прошибъ! Молодецъ узналъ, что эта кошка была собственная его мать, а онъ, не зная, прошибъ ей голову. Подобныхъ разсказовъ между чувашами много. 3) Если въ упомянутую ночь случится увидать на полѣ или на улицѣ подозрительное животное, и если желательно поймать его, чтобы удостовѣриться, не колдунъ-ли это, то нужно погнаться за нимъ верхомъ, нагнать его и чѣмъ нибудь ударить. Чуваши говорятъ, что тухатмаша пѣшкомъ нагонять невозможно. Если это обыкновенное животное, то оно такъ и останется животнымъ а если это тухатмашъ, то онъ обратится въ человѣка и будетъ просить помилованія. Былъ такой случай. Одинъ пастухъ въ ночь на сѣмѣкъ захотѣлъ поймать тухатмаша,—извѣстную ему женщину. Для этого предпріятія онъ съ вечера выбралъ изъ табуна самую легкую лошадь и отправился къ кладбищу. Не доѣзжая до кладбища, онъ остановился возлѣ той дороги, по которой должна была придти та женщина. Только лишь смерелось, какъ идетъ по той дорогѣ какое-то черное животное, а пастуха не видитъ. Пастухъ вдругъ хлеспнулъ коня, наѣхалъ на это животное и началъ стегать его своимъ длиннымъ вѣнцомъ. Животное тотчасъ же превратилось въ женщину, которая стала просить человѣческимъ голосомъ, чтобы онъ не билъ её, обѣщаясь дать ему денегъ и холста на рубашку. Оказалось, что эта женщина и была та самая, которую хотѣлъ поймать пастухъ. По мнѣнію чувашъ, всякаго тухатмаша можно поймать, стоить только погнаться за нимъ, начать бить, припугнуть словомъ „вѣлерѣп!“—убью!. Тогда всякій тухатмашъ, чѣмъ-бы и кѣмъ-бы не показывался, тотчасъ же слѣзается человѣкомъ и будетъ просить, чтобы отпустить его живого. 4) Тухатмаша можно узнать еще вотъ такимъ способомъ: въ ночь на сѣмѣкъ зарядить ружье, засѣсть за плетень или въ овражекъ, мимо которыхъ должны проходить тухатмаша, и если придется увидать ночью на

томъ мѣстѣ собаку или кошку, гуся, овцу и проч., то слѣдуетъ выстрѣлить въ неё. Тогда животное непременно побѣжитъ домой. Выстрѣлившему надо только слѣдить, въ какой домъ забѣжитъ это животное. На другой день въ этомъ домѣ непременно окажется больной человѣкъ. Такъ тухатмаш и бываетъ узнавъ.

Чуваши не только о тухатмашахъ, но и о другихъ знахаряхъ говорятъ почти тоже, то есть что и имъ, будто, необходимо заниматься своимъ дѣломъ чаще, иначе и имъ становится тяжело жить. Про нѣкоторыхъ тухатмашей между чувашами существуютъ такіе рассказы. Какойнибудь добродушный тухатмаш, жаливый, не желаетъ обижать людей напрасно; но ему все-таки необходимо хоть одинъ разъ въ мѣсяцъ сдѣлать порчу, чтобы быть самому здоровымъ. Вотъ онъ и беретъ съ собою какуюнибудь вещь, уходитъ съ ней въ уединенное мѣсто и начинаетъ тамъ надъ этимъ предметомъ говорить свои страшныя волшебныя слова, грызетъ эту вещь зубами, топчетъ ногами, урчитъ звѣринымъ голосомъ или реветъ быкомъ и т. п., послѣ чего этотъ предметъ и получаетъ совершенно другой, худшій видъ. Напримѣръ: если колдовство сдѣлано надъ полотенцемъ, то оно окровавится; если же тухатмаш совершилъ свое дѣйствіе надъ какимънибудь растеніемъ, то это растеніе непременно скоро засохнетъ.

Чаще всего эти колдуны портятъ людей, отъ чего человѣкъ начинаетъ хворать, сохнуть и наконецъ умираетъ мучительною смертію. Портятъ они людей различными способами: наговариваютъ на пищу и питье, тайно уносятъ у человѣка какуюнибудь вещь—поясъ, платокъ, рубашку, чулки, или незамѣтно отрѣзываютъ волосы, чтобы произнести надъ ними свои наговоры. Черезъ эти предметы вредное дѣйствіе заговоровъ переходитъ на самого ихъ хозяина. Поэтому, когда у чувашенина изъ дома пропадетъ какаянибудь вещь, то онъ начинаетъ думать и тужить, предполагая, что эта вещь увесена тухатмашемъ для порчи.

Чувашскіе знахари и знахарки испорченнаго человѣка живо узнаютъ. У испорченнаго колдуномъ человѣка внутри должно быть какоенибудь живое существо, въ родѣ змѣи, ящерицы, или внутренній шарообразный наростъ, который по временамъ перекатывается внутри и тѣмъ сильно беспокоитъ страдающаго порчей. Такіе же признаки бываютъ и въ

испорченныхъ курахъ и животныхъ. Разъ мнѣ самому пришлось видѣть зарѣзанную большую курицу, которую наши домашніе на рѣшились варить, а выкинули цѣликомъ на улицу, предполагая, что эта курица была испорчена тухатмашемъ. Внутри этой курицы, помню, были какіе-то большіе наросты на животѣ и на кишкахъ. Мы на нихъ посматривали тогда съ большими опасеніями и выкинули эту курицу палочками, а не руками.

Для порчи животныхъ колдуны подкидываютъ имъ лепешки, нарочно испеченныя для этой цѣли, выдергиваютъ или отрѣзаютъ у нихъ нѣсколько волосъ и т. п. Злое дѣло колдуна иногда падаетъ и на хлѣбъ. Тухатмашъ отправляется ночью въ поле, схватываетъ руками нѣсколько колосьевъ, растущихъ рядомъ, и захлестываетъ ихъ въ одинъ узелъ; послѣ этого у хозяина, хорошаго урожая никогда не бываетъ. Если же тухатмашъ хочетъ портить хлѣбъ на гумнѣ, т. е. уже сжатый съ поля, то онъ въ конны кладетъ какуюнибудь наговоренную вещь, маленькую горбушку хлѣба съ углемъ, окровавленную тряпичку, человѣческіе волосы, маленькія лепешки съ саломъ и т. п.

Тухатмашъ страшно золъ. Если кто осмѣлится обидѣть его словомъ или дѣломъ, то непременно услышитъ отъ злодѣя угрозу лично или черезъ другихъ. Тухатмашни обыкновенно угрожаютъ такъ: „ещё кѣна манмѣ, асѣнтарѣ!“,— „я это не забуду, заставлю помнить!“ и прочее. Послѣ этого колдунъ ищетъ удобнаго случая подкинуть чегонибудь къ дому обидчика или въ самый домъ. Подкидываются различныя вещи: лепешки, тряпочки, обожженные лучинки. Иногда эти лучинки втыкаются въ трещину какойнибудь постройки. На этихъ воткнутыхъ лучинкахъ часто бываетъ сало, кровь, а иногда стоитъ огарышекъ восковой свѣчи.

По рассказамъ стариковъ видно, что прежде чуваши очень боялись такихъ людей, поэтому старались не раздражать ихъ и даже не встрѣчаться съ ними. Нынѣ они съ этими личностями обходятся очень просто: если тухатмаша застанутъ на мѣстѣ дѣйствія, то сначала силой заставляютъ съѣсть его вредныя лепешки, блины, или хлѣбъ, смотря потому, что онъ принесъ на мѣсто порчи, потомъ отколотятъ его слегка до сыта. Если же не застанутъ такого врага на мѣстѣ дѣйствія, то найденныя вещи бросаются на дворъ того, о комъ предполагаютъ, что они подброшены именно

имъ. Иногда подкинутыя вещи берутся желѣзными вилами или палками и уносятся въ лѣсъ; тамъ раздваиваютъ топоромъ какое нибудь растущее дерево, преимущественно рябинникъ, и въ щель вкладываютъ принесенныя вещи такъ, чтобы дерево сильно прицѣмло ихъ. Чуваши увѣрены, что послѣ этого тотъ человѣкъ, который подкинулъ эти вредныя вещи, будетъ сильно страдать ломотой въ костяхъ, будетъ сильно ломить ему голову, животъ и прочее. А иногда такія вещи сожигаются на самомъ мѣстѣ ихъ нахожденія, послѣ чего подкинувшій будетъ страдать изжогою и жаромъ внутри.

Пус-савракан. (Приворотникъ). У чувашъ есть еще личности, похожія на тухатмѣша, такъ называемыя „пус-савракан“, знахари и знахарки приворотники и отворотники. Имъ приписывается сила привораживать и отвораживать человѣка наговорами, на примѣръ, когда мужъ не любитъ жену или жена мужа. Но не всѣ супруги ищутъ только любви; иные желаютъ, чтобы другая половина рабски повиновалась имъ. На примѣръ, я слышалъ, какъ одинъ чувашенинъ въ ссорѣ говорилъ своей женѣ: „епѣ сана урамра тирѣслѣк хирса сѹремелле тавѣп“, т. е. „я сдѣлаю такъ, что ты (по моему приказу) будешь по улицѣ грести навозъ“.

Емелсѣ. У чувашъ есть еще знахари и знахарки, такъ называемыя емелсѣ или пѣлѣмсѣ, но они почти никакихъ наговоровъ не знаютъ, кромѣ нѣкоторыхъ самыхъ обыкновенныхъ краткихъ изреченій, и занимаются, можно сказать, только исполненіемъ дѣлъ, предназначенныхъ йумсами. На примѣръ: йумся прикажетъ какому нибудь чувашенину сдѣлать то и то, но не всякій человѣкъ сумѣетъ выполнить это въ точности такъ, какъ велѣлъ гадальщикъ. Въ такихъ случаяхъ чуваши и обращаются къ этимъ специалистамъ, какъ людямъ, умѣющимъ исполнить все, предназначенное йумсей, какъ слѣдуетъ. Дѣятельность этихъ знахарей походитъ на дѣятельность фельдшера, который исполняетъ приказаніе врача, дѣлаетъ больному припарки, прикладываетъ горчичникъ и т. п. Хотя эти дѣла и не особенно мудрены, но вѣдь не всякій можетъ сдѣлать и ихъ, и лучше пригласить специалиста, фельдшера ¹⁾. Выполнители приказаній йумсей емелсѣ, заняты больше всего наблюденіемъ за выполненіемъ

¹⁾ Впрочемъ у чувашъ иногда и сами йумзи берутся исполнять свои предназначенія; только это дѣлается за особую плату.

религіозныхъ обрядовъ: приносятъ разнымъ кереметямъ жертвы, изгоняютъ изъ домовъ всякую нечистоту, изъ больныхъ дѣтей—бѣса, лечатъ страдающаго отъ сглаза и т. п., при чѣмъ играютъ роль священнодѣйствователей. Они же иногда совершаютъ моленія или за какой нибудь домъ, или иногда и за все общество.

Лекаръ отъ сглаза. Если гадальщикъ найдетъ, что больной человѣкъ страдаетъ отъ чужаго глаза, то, конечно, его лечитъ особеннымъ образомъ, именно отъ этой болѣзни. Болѣзни сглаза чувашаи очень вѣрятъ. Русскій простой народъ отъ сглаза лечитъ умываніемъ больныхъ водой черезъ уголь. У чувашъ это леченіе происходитъ вотъ какъ: больного человѣка подводятъ, а ребенка подносятъ, къ горнушкѣ, гдѣ хранится жаръ; при этомъ голова больного сверху покрывается платкомъ, а лицо остается не закрытымъ. Въ такомъ видѣ больного держатъ надъ жаромъ, наклонивъ голову. Потомъ знахаръ беретъ горсть немолотой соли и начинаетъ понемногу бросать её въ горнушку на угли, говоря; „кус тух, кус тух“, - выходи глазъ. Конечно, соль отъ жара трещитъ, а знахаръ, слыша это, говоритъ: „ай, ай, кус вайлѣ ўнѣ, ав йепле шартлата!“— ай, ай, сильно сглазили, вонъ какъ трещитъ! При этомъ онъ перебираетъ имена и глаза тѣхъ лицъ, около которыхъ находился этотъ больной, или съ кѣмъ онъ видѣлся за послѣднее время, и повелѣваетъ симъ глазамъ выдти изъ больного человѣка, говоря: „Иван кусѣ тух, Петр кусѣ тух, Сергѣй кусѣ тух“,— „Ивановъ глазъ выходи“, „Петровъ глазъ выходи“, „Сергѣевъ глазъ выходи“. Не бываетъ исключенія даже и глазамъ родителей больного. Знахаръ говоритъ: „ашшеѣ кусѣ тух, амѣш кусѣ тух“,— „глазъ отца выходи“, „глазъ матери выходи“. Поминаются затѣмъ глаза русскаго человѣка, татарина и проч: „вырѣс кусѣнѣен пулсан та, тутар кусѣнѣен пулсан та тух кус!“ т. е. „если случилось отъ глазъ русскихъ, татарскихъ, выходи глазъ!“ Словомъ, знахаръ перебираетъ имена всѣхъ, съ которыми заболѣвшій могъ видѣться передъ своею болѣзною.

Священникъ *А. Ректевъ.*

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій по Казанской Епархіи за 1897 годъ.

Казань. Типографія Императорскаго Университета.